

Виктор АВИЛОВ, актер:

Я возил кирпичи не в театр, а из театра

Известия - 2003 - 6 авг. - с. 10

Таких лиц, как у Виктора АВИЛОВА, больше нет. У этого артиста несовременный типаж, но известность Авиллов приобрел задолго до того, как в кино и на телевидении утвердилось новое, бандитско-ментовское поветрие. Его много снимали в конце восьмидесятых — начале девяностых; кроме того, он был и остается первым актером Театра на Юго-Западе.

Это странное, привлекательное, вышедшее из моды, но по-прежнему собирающее полные залы театральное образование пользовалось огромной популярностью лет пятнадцать тому назад. Тогда всерьез говорили о том, что с Юго-Западом может быть связано будущее нашей сцены. Эти разговоры давно забыты, а театр, создание Валерия Беляковича, остался. 8 августа в нем отметят 50-летие Виктора Авиллова. Перед этим с ним встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ.

— Что вы будете делать после юбилея?

— Во Францию поеду. Там суперсвадьба будет. Уже и замок арендовали.

— Кто женится-то?

— Наши миллионеры.

— При чем тут вы?

— Просили присутствовать. Поедет небольшая театральная группа во главе с нашим директором, мы уже придумали мини-шоу. Директорская дочка живет во Франции, она позвонила: «Виктор Васильевич, съездите на недельку, а после свадьбы мы вас на побережье увезем, на южное. Будете жить в замке в отдельном флигеле с бассейном. И заплатят еще».

— Круто. Я вижу, многое изменилось: во времена оны я разговаривал с Беляковичем, и он рассказывал, как энтузиасты строили Театр на Юго-Западе и шофер «КамАЗа» Авиллов возил на стройку ворованные кирпичи... Как все началось? Как вы встретились с Беляковичем?

— Я был шофером «МАЗа», «КамАЗов» тогда еще не было. А с Беляковичем я не встретился: мы оба жили в Вострякове. С его младшим братом мы в одном классе учились. Вторым Белякович был старше нас на три года. Я знал и его — Валерка и Валерка.

— Вы обманули судьбу: у шофера «МАЗа» прорисовывался совершенно определенный жизненный путь...

— Я же не просто шофер. У меня есть образование: «монтаж и наладка систем контроля и автоматики». А в водилы меня из военкомата послали, перед армией.

— Образование—то среднее?

— Да, техникум... Но мне больше нравилось ездить на машине. Я был летуном, больше года нигде не работал: то НИИ, то баранка. В сентябре устраиваюсь на работу, в июне увольняюсь. Тогда нельзя было пропускать больше трех месяцев, чтобы стаж не прерывался, — и я гулял лето, а потом шел на новое место работы. А с 1977 года я в Театре на Юго-Западе. Хотя тогда и театра-то не было: был клуб «Гагаринец» при Гагаринском отделе культуры.

— Беляковичи были фанатами театра, а вы...

— Фанат был один, если это слово здесь вообще применимо. Старший Белякович был одержим идеей театра, а с младшим они ежедневно встречались на кухне:

— Сереежка, я хочу театр. Серый, хочу, хочу, хочу...

И Валерий Романович Серого додолобал, дотюкал. Он всю ночь его на кухне поддерживал и заразил-таки своей идеей.

Сергей пришел в компанию: «Валерка хочет сделать театр». Мы глаза вылупили:

— Хочет и хочет, пусть делает. Чего ты нам-то про это рассказываешь?

— Да нет, вы там будете...

— Ха-ха! А чего мы там станем делать?

Вот такой был разговор. Но все-таки мы решили попробовать.

А тем временем Валерий расклеил объявления: «Идет набор в театральную студию». Мы пришли почти по принуждению, энтузиазм был равен нулю, а вторая группа товарищей хотела играть. Но через пять лет в театре осталась только наша команда балбесов.

НАТАЛИЯ ГУБЕРНАТОРОВА

— А как же кирпичи?..

— Кирпичи были. Но я их возил не в театр, а из театра.

— ???

— Каждые весну-лето на Юго-Западе шла перестройка. Сперва мы возвели внутренние стены, на следующий год Романьчу показалось, что это неправильно. Кувалды в руки, стены поломали, на земле лежит тонн пятнадцать битого кирпича.

И я вывез оттуда два «МАЗа» с кирпичом, сделал подарок строителям котлована.

— Я начал смотреть спектакли Театра на Юго-Западе, когда вы уже были первым артистом. Сразу выдвинулись или была борьба за лидерство?

— Да нет... Я не с той стороны пришел в театр. За что мне было бороться: роли сыпались как из рога изобилия.

— А когда театр начал вас кормить?

— Никогда. Он и сейчас не кормит.

— Но это же довольно известный театр, билеты хорошо

продаются, и они не такие дешевые.

— А платят на уровне нищеты. Но я работаю в четырех театрах сразу. А прежнего Театра на Юго-Западе больше нет: кто там остался-то — старший Белякович да я...

— И сколько же продолжалась радостная студийная жизнь?

— Для кого-то эта жизнь была радостной, для кого-то оборачивалась потогонной работой на пределе сил. В начале девяностых я мог три дня подряд играть «Гамлета», «Калигулу» и «Носорогов». Не знаю, как меня на это хватало.

— Зато пришла популярность, вас заметило кино.

— В нашем театре существовал запрет на съемки. До того как сняться в «Господине оформителе», я отклонил много хороших предложений. Сниматься в «Оформителе» я поехал несмотря на запрет, в свой отпуск. Белякович изо всех сил боролся с популярностью своих актеров.

— Он строил театр и хотел, чтобы его артисты принадлежали только ему.

— Меня это не волнует. Хотя это болезнь не только Беляковича — тот же Гончаров ненавидел, когда его актеры снимаются.

— Вы в скольких фильмах снялись?

— Примерно в тридцати. В восьмидесят седьмом вышел «Господин оформитель», а затем посыпалось — «Граф Монте-Кристо», «Любовь к ближнему», «По траве босиком», «Смирненное кладбище», «Петербургские тайны»...

— А сейчас снимаетесь?

— Начну осенью. Буду играть главную роль, сценарий на меня написан. А в сегодняшних телевизионных сериалах я не играю — с моей фактурой в них делать нечего. Не снялся бы я в «Господине оформителе», никто бы меня не знал.

— А что же популярность среди публики Театра на Юго-Западе? Там ведь был свой круг поклонников — и немаленький.

— Теперь они повзрослели. Те, кто аплодировал нам десять-пятнадцать лет назад, тусуются в Ин-

тернете и готовят подборки фанатских воспоминаний о старых спектаклях Юго-Запада. Человек десять описывают «Калигулу»: «Танька была двадцатого, а мне посчастливилось, я пришла восемнадцатого. Там-то и там-то и Авиллов заплулся».

— Заплулся?

— Ничего удивительного. На премьерках был кошмар: репетировали мы совсем немного и выходили на сцену в полубморочном состоянии.

— А теперь фанатская тусовка вокруг театра рассеялась?

— Да, пожалуй... Но во времена оны, кроме тусовки, была очень мощная билетная мафия, и у нее имелась четкая схема котировки спектаклей. Сейчас опорная валюта доллар, у билетной мафии ею были билеты в Большой театр. Билеты на многие наши спектакли шли с Большим один в один: выше быть не могло.

— И когда же это кончилось?

— Я думаю, во время театрального кризиса девяностых годов. Тогда затрещали многие известные театры, но у нас запас прочности был намного больше. Раньше на Юго-Западе были переаншлаги, в девяностые — просто аншлаги. А там, где и так-то зал с трудом набирался, спектакль смотрело человек пятьдесят. Сейчас все наоборот — народ в театры ломанулся.

— И к вам?

— У нас со зрителем все в порядке. Хотя с репертуара слетают хорошие спектакли — народ на них не идет. Недавно сняли спектакль по рассказам Шукшина, хорошую, сильную постановку: человек подходит к кассе, выбирает между Шукшиным и Булгаковым и в результате покупает билеты на «Мастера и Маргариту».

Раньше во всю работало «сарфанное радио», люди выбирали спектакль по советам знакомых. Теперь человек принимает решение сам. И к тому же стало больше ничего не знающих зрителей.

— Чего бы вы пожелали себе на день рождения?

— Снова пережить то, что было, когда мы все чувствовали себя молодыми — и я, и оба Беляковича, и наш театр.